

УДК 94(47).083

**МЕЖДУ ЗАКОНОМ, ПРОИЗВОЛОМ И «ОТЕЧЕСКИМ ПОПЕЧЕНИЕМ»:
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ
САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1891–1894 гг.**

© 2026 Д.А. Федотов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва

Статья поступила в редакцию 15.01.2026

Ссылка для цитирования: Федотов Д.А. Между законом, произволом и «отеческим попечением»: административные практики земских начальников Новоузенского уезда Самарской губернии в 1891–1894 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Том 8. 2026. Номер 1. С. 26–34.

В статье на основе делопроизводственных архивных документов, отложившихся в Центральном государственном архиве Самарской области реконструированы личностные качества земских начальников Новоузенского уезда в 1894 году. Выявлено соотношение деловых качеств земских начальников, зафиксированных данными ревизии их деятельности в 1894 г., с их реальными административно-судебными решениями, принятыми по жалобам крестьян, фактам злоупотреблений и халатности низовой администрации. На основе микроисторического анализа доказываем, что функционирование института земских начальников в Самарской губернии отличалось высокой персонализацией, где эффективность и легитимность власти определялись не столько буквой закона (Положение 1889 г.), сколько личными качествами, компетентностью и склонностью к произволу конкретного начальника. Сходные по правовой природе ситуации разрешались по-разному в зависимости от управленческого стиля и отношения чиновника к процедуре. На материале конкретных примеров выявлены устойчивые модели правоприменения: процедурно-рациональная (ориентированная на проверку и документирование), карательно-дисциплинарная (расширительное использование санкций) и административно-пассивная (формальное или запаздывающее реагирование). Сделан вывод о структурных пределах «попечительской» функции земского начальника в земельных спорах и в условиях кризиса, усугублённого последствиями голода 1891–1892 гг.

Ключевые слова: земские начальники, Самарская губерния, крестьянские жалобы, административная практика, дисциплинарные взыскания, земельные конфликты, ревизии, голод 1891–1892 гг., персонализация власти.

DOI: 10.37313/2658-4816-2026-8-1-26-34

EDN: YINPVS

ВВЕДЕНИЕ

Создание имперской властью института земских начальников было направлено на усиление роли дворянства в системе местного управления, установление прямого административного и судебного контроля представителя имперской власти над деревней¹. Обязанности земского начальника включали разнообразные судебные, административные и «попечительские» функции, что делало его фигуру центральной в системе местного управления пореформенной эпохи².

Несмотря на обширную историографию, посвящённую как общим вопросам становления и функционирования института земских начальников и его роли в местном управлении³, так и его региональным особенностям⁴, существующие работы часто ограничиваются анализом законодательных норм, статистическими выкладками или общими оценками, не погружаясь в «человеческое измерение» власти на местах. Повседневная практика земских начальников, особенно сквозь

*Федотов Денис Андреевич, аспирант кафедры Отечественной истории и историографии.
E-mail: denisandreevichfedotov@yandex.ru*

призму их личностных характеристик и непосредственной реакции крестьянства на их действия, остаётся изученной фрагментарно⁵.

Источниковая база исследования опирается на документы фонда Самарского уездного съезда земских начальников. Были проанализированы, ранее не введенные в научный оборот, оценки деятельности земских начальников Новоузенского уезда, составленные ревизором Шишковым в 1894 г.⁶ Давая непредвзятые и откровенные характеристики профессиональным и личным качествам земских начальников, чиновник сопоставлял их с реальными действиями, отражёнными в конкретных судебно-административных делах, возбуждённых по жалобам крестьян или иным поводам⁷. Такой микроисторический синтез источников «сверху» (ревизоры) и «снизу» (крестьянские дела) позволяет реконструировать функционирование института земских начальников на уровне повседневности, выявив глубинный разрыв между законодательным идеалом «отеческого попечения»⁸ и реальностью власти, детерминированной «человеческим фактором» в условиях конкретного уезда и времени.

В настоящей статье ставится **цель** осуществить комплексный анализ административно-судебной практики земских начальников Новоузенского уезда Самарской губернии в 1891–1894 гг. для выявления механизмов, подлинной эффективности и системных пределов их власти. Применение микроисторического синтеза, сопоставления оценок ревизора Шишкова с делопроизводственными материалами 1891–1893 гг., фиксирующими реальные конфликты и правоприменение на местах, позволило преодолеть ограниченность каждого типа источников и увидеть причинно-следственные связи между кадровым моделированием и конкретной судебно-административной практикой.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Катастрофический голод 1891–1892 гг., охвативший, в том числе, и Самарскую губернию, привёл не только к массовой гибели и бедствиям населения, но и к глубокой дезорганизации хозяйственной жизни, резкому росту недоимок, обострению до предела земельных споров, и общей социальной напряжённости в деревне. Крестьянство было особенно чувствительно к проявлениям любых несправедливостей со стороны власти или общины. Восстановление хозяйства проходило медленно, делая любую потерю имущества или лишение помощи катастрофической. Сложный полиэтничный и многоконфессиональный состав населения Самарской губернии неизбежно накладывал отпечаток на управленческую практику, требовал от чиновников дополнительной гибкости, такта (или, напротив, создавал почву для конфликтов и злоупотреблений). Институт земских начальников, созданный как инструмент «твёрдой, близкой к народу, справедливой и отеческой» власти⁹, на практике в этих условиях оказался крайне зависим от личностных качеств назначаемых чиновников. Как убедительно показывают конфиденциальные оценки ревизора Шишкова¹⁰, именно «человеческий фактор» – компетентность, энергичность, честность, гуманность или, напротив, безволие, жестокость, корыстность, глупость – становился решающим в том, оборачивалась ли эта власть для крестьянства защитой или новым бедствием. Этот контекст – время в период голода в полиэтничном регионе – является необходимой рамкой для понимания практик, зафиксированных в анализируемых делах.

Типология земских начальников по ревизии 1894 г. представляет собой беспрецедентный по откровенности источник для понимания кадрового состава и реального состояния института земских начальников на микроуровне. Анализ характеристик, зафиксированных ревизором Шишковым, позволяет выделить пять устойчивых типов земских начальников, чья деятельность определяла лицо власти в уезде, и каждый из которых демонстрировал свой характерный подход к управлению и разрешению конфликтов, иллюстрируемый конкретными делами.

В первую очередь выделяется тип бездеятельных и слабых земских начальников. К нему отнесены Д. Е. Нечаев (1 уч.), который характеризовался как «крайне нервный, раздражительный...

в деловом отношении – решительно один из самых слабых... Опекунское дело в первобытном состоянии», и А. А. Юматов (9 уч.), «очень старый и слабый... Не может иметь активного надзора»¹¹. Их общий признак – пассивность, нерешительность, недостаток энергии и авторитета; подобное руководство участками сопровождалось хаосом, формализмом и забыванием ключевых опекунских функций (вспомогательные кассы, опека). Такие земские начальники нередко игнорировали проблемы или «отписывались» от дел, требовавших активного вмешательства, например расследование халатности старост¹² или защита крестьян от произвола¹³. Их бездействие создавали вакуум власти, порождавший злоупотребления со стороны низового звена и оставлявший крестьян беззащитными.

Вторым типом являются деспоты и самодуры – наиболее опасный для крестьянства вариант. Яркими представителями здесь выступали К. К. Гуржиа (2 уч.), «Деспот, враг всякого формализма... Вмешивается во всякие дела... Сажает под арест поссорившихся супругов»; Д. В. Мясоедов (3 уч.), «Мелкий тиран, заботящийся только о себе... Наказывал за песни на улице, вечеринки»; И. И. Троицкий (12 уч.), «Упрям, но не умен... Арестовал 60 человек за неявку на сход»¹⁴. Их власть строилась на страхе, произволе и широком, нередко немотивированном применении карательных мер (особенно аресты). Они действовали резко и безапелляционно, однако их решения редко соответствовали духу закона или справедливости, скорее они поддерживали произвол низовой администрации, чем защищали крестьян.

Третьим типом были идеалисты-неудачники. Так, А. М. Померанцев (4 уч.) характеризуется как «молодой, идеалист... гуманный до крайности... эксплуатируется населением и должностными лицами»¹⁵. Им свойственны искреннее стремление помочь и гуманные убеждения, но отсутствие практического опыта, воли, административного чутья и авторитета делало их действия неэффективными, а самих – мишенью манипуляций, как со стороны крестьян, так и низовой администрации. Они пытались разрешать конфликты справедливо¹⁶, но часто терпели неудачу из-за непонимания или сопротивления и не доводили дело до логического конца, а в расследовании халатности могли проявлять мягкость¹⁷.

Четвертый тип представлен как «реформаторы»-произвольники. Н. К. Лисовский (8 уч.) охарактеризован ревизором так: «Деятельный, но исправляющий законы по своему...». Ревизор отмечал, что земский начальник ввел «выборные сходы», «тайные запашки», мотивируя свои действия тем, что «У нас такая практика!»¹⁸. Стремясь к улучшению или упрощению управления, они прибегали к сознательному нарушению закона, формируя собственную непредсказуемую «практику», что приводило к дезорганизации и правовому нигилизму. Их решения по делам, включая земельные споры, применение взысканий и конфликты благотворительности, были оригинальными, но правовыми нарушениями, создавая прецеденты путаницы и подрывая уважение к законности.

Наконец, пятым типом являлись эффективные администраторы, которых, к сожалению, встречалось мало. К ним ревизор относил П. П. Чембулатова (5 уч.) – «Деятельный и полезный... Делопроизводство в прекрасном виде»; П. В. Кругликова (7 уч.) – «Лучший в уезде, спокойный, рассудительный, тактичный... Делопроизводство, им организованное, принято всеми»¹⁹. Эти представители отличались профессиональной компетентностью, знанием местных условий, организаторскими способностями и тактом, умением сочетать требовательность с законностью и справедливостью; они могли эффективно защищать крестьян от произвола²⁰, грамотно применять взыскания²¹, расследовать халатность²² и искать справедливые решения в сложных ситуациях²³. Именно они наиболее полно воплощали замысел Положения 1889 года о сочетании «твердой власти» и «отеческого попечения».

Следует отметить, что ревизия 1894 г. обнажила ключевую проблему института – крайнюю персонализацию кадрового состава земских начальников. Для крестьянства попасть под власть того или иного земского начальника было фактически «лотерейным» исходом. Их повседневная жизнь, имущественные и личные права, возможность найти защиту от произвола напрямую зависели от

того, оказался ли назначенным на их участок деспот (Гуржиа), безвольный формалист (Нечаев), наивный идеалист (Померанцев), толковый «реформатор» (Лисовский) или толковый администратор (Кругликов). Законодательство того времени, Положение 1889 года, задавало лишь общие рамки, которые наполнялись крайне разнородным и часто противоречащим духу и букве закона содержанием, определяемым личностью конкретного чиновника. Именно такая практика подрывала саму идею «твердой» и предсказуемой власти, делая ее эффективность зависимой от случайной принадлежности к одному из типов земских начальников.

Типология, выявленная по характеристикам, находит своё полное подтверждение и конкретизацию при анализе реальных дел, рассмотренных земскими начальниками. В этом контексте показателен блок сюжетов, связанных с защитой прав крестьян, где, с одной стороны, просматривается потенциал института земских начальников как действенного защитника, а с другой - выявляются его системные пределы, обусловленные как формализмом правоприменения, так и ограниченностью административных механизмов воздействия на общину. Так в деле, фиксирующем жалобу крестьянина-татарина Хуснутдина Минникаева (д. Старая Тюгальбуга) на старосту и учетчиков в ложном учёте, приведшем к несправедливому денежному взысканию в 50 руб. 55 коп., земский начальник 1-го участка Самарского уезда (вероятно, тип, близкий к «эффективному администратору») успешно защитил интересы крестьян. Он не ограничился формальной проверкой, а тщательно изучил дневник сборщика податей, выявил подлог и вынес решение: «Признать старосту... виновным в неправильном ведении книг... Обязать его взыскать неправильно полученные с Минникаева 50 р. 55 к. и возратить последнему»²⁴. Этот случай, наряду с другими, демонстрирует потенциал института земского начальника как защитника рядового крестьянина от злоупотреблений и коррупции низового звена администрации (старост, писарей, волостных судей), причём эффективность такой защиты была напрямую связана с типом земского начальника. Деятельный и грамотный чиновник мог оперативно восстановить справедливость в относительно простых случаях административного произвола.

Показательным является конфликт в с. Ягодное (1891 г.), где крестьяне (Сажанов, Сидоров и др.) законно внесли выкупные платежи (155 руб. 38 коп., 120 руб. 92 коп. и др.) за землю, находившуюся в их пользовании, но при очередном переделе мирских земель общество «не оставило» им наделов, ссылаясь на формальные основания²⁵. Крестьяне подали жалобу, однако земский начальник и, впоследствии, уездный съезд, ссылаясь на букву закона (в частности, на приказ 1888 г. о переделе исключительно на наличные души мужского пола по состоянию на 27 февраля 1891 г.), оставили жалобу «без последствий»²⁶, несмотря на очевидную материальную и моральную несправедливость ситуации. Отчаявшиеся крестьяне вынуждены были искать правды в Правительствующем Сенате. Этот пример обнажает глубинные системные проблемы и пределы «попечительства» в практике земских начальников. Торжество формализма закона, когда жёсткие нормы о «наличных душах» и календарных сроках игнорировали фактические имущественные права и экономические вложения крестьян. Он показывает бессилие земского начальника перед общинным решением, поскольку тот не имел действенных механизмов оспорить решение схода, даже вопиюще несправедливое. К тому же ситуация после голода 1891–1892 гг. сделала землю вопросом выживания, обостряя споры. Земский начальник не смог защитить ключевое право крестьянина - на землю - в условиях коллизии закона и справедливости, что демонстрирует провал «попечительства».

Дополнительное измерение практики земских начальников в указанный период раскрывает анализ жалобы крестьян с. Кошки Якова Маряшина и Константина Курукова (1893 г.) на отображение старостой лошадей, выданных благотворительным комитетом²⁷. Волостной старшина в отчёте пояснил, что лошади были отображены «вследствие предписания господина земского начальника 1 участка Самарского уезда Слободчикова от 17 ноября минувшего 1892 года за №3307, за неуплату ими... установленной платы»²⁸. Данное дело (наряду с реакцией земского начальника - поручением волостному старшине провести дознание и сменить сельского писаря Окунева «за писание грамот

и кляуз»²⁹ показывает роль земского начальника в распределении/контроле благотворительности. Земский начальник санкционировал взыскание долгов за помощь, что могло приводить к конфликтам с нуждающимися. Многоступенчатость управления выражалась в том, что земский начальник действовал через волостную администрацию (старшину), чьи действия (отбор лошадей) напрямую затрагивали крестьян, а также в реакции на злоупотребления, выраженную в инициировании дознания и наказании низового писаря за написание подложных документов. Причём эффективность мер зависела от типа земского начальника и в этом случае Слободчиков, вероятно, является «эффективным администратором» или «деспотом».

Наряду с эпизодами защиты и контроля, существенное место занимают взыскания как инструмент власти и произвола, что демонстрирует анализ дел 6, 13 и материала о халатности (дело 31). В деле 13 (широкое применение ареста) земский начальник 1-го участка (стиль управления коррелирует с типом «деспота») активно применял арест до 3 суток в 1891 г.: за самовольную аренду мельницы без согласия общества (Власов), за «противозаконный поступок» - распоряжение общественной собственностью (Плепавич), за введение общества в заблуждение о ссуде (Кудрявцев)³⁰. Широкое и часто немотивированное толкование «проступков» превращало ст. 61–62 Положения 1889 г. в инструмент устрашения и произвола. Жалоба крестьянина Гаши Ишмухаметова на волостного заседателя Тазеева, незаконно отобравшего договор купли-продажи конюшни под предлогом необходимости для описи долгов³¹, выступает типичным примером злоупотреблений волостных чинов, а реакция земского начальника на такие жалобы служила индикатором его типа: «эффективный администратор» защищал, «деспот» мог поддержать произвол, «бездейственный» же проигнорировать.

Административное дело по обвинению старосты с. Пармалы Петра Плешакова в нестраховании сгоревшей в июне 1891 г. церкви и крестьянских домов демонстрирует пример вопиющей бесхозяйственности в критический момент³². Оно требовало от земского начальника не только наказания виновного (старосты), но и проявления «попечительства» - помощи погорельцам, тогда как бездействие или формальное отношение земских начальников (особенно типа Нечаева или Юматова) в такой ситуации усугубляло последствия катастрофы для крестьян.

В целом стиль управления и его последствия, рассматриваемые через взаимосвязь типа земского начальника и практики, позволяют говорить о прямой корреляции между типом земского начальника (по Шишкову) и их действиями в конфликтах и, соответственно, выделить устойчивые паттерны. Деспоты и самодуры (Гуржия, Мясоедов, Троицкий) характеризовались всеобъемлющим вмешательством, произволом, широким применением взысканий (особенно ареста), изданием собственных правил (Гуржия), наказанием за бытовые проступки (Мясоедов). Их власть, основанная на страхе, подавляла явный протест, но провоцировала скрытое недовольство и подрывала легитимность института. Они чаще поддерживали произвол низовых чинов, чем защищали крестьян, при этом халатность могла караться жестоко, но не системно. Бездейственные и слабые (Нечаев, Юматов) отличались пассивностью, формализмом, незнанием реального положения, хаосом в делопроизводстве, забвением «попечительства». Они оставляли жалобы без последствий, игнорировали произвол и халатность, создавая вакуум власти, рост злоупотреблений и оставляя крестьян беззащитными. Идеалисты-неудачники (Померанцев) проявляли гуманность и стремление помочь, но отсутствие опыта, воли и авторитета делало их решения неэффективными или не доводимыми до конца. Они легко поддавались на манипуляции крестьян и низовой администрацией, вследствие чего попытки защиты или разрешения конфликтов часто проваливались, а расследование халатности могло быть поверхностным. «Реформаторы-произвольники» (Лисовский), будучи активными, но пренебрегавшими законом, создавали свою «практику», что вело к дезорганизации и правовому нигилизму. Их решения по земельным спорам, взысканиям или благотворительным конфликтам были непредсказуемы и неправовыми. Наконец, эффективные администраторы (Чембулатов, Кругликов) сочетали компетентность, знание дела, такт, законность и организаторские способности. Они эффективно защищали крестьян от произвола, обоснованно применяли взыскания, расследовали халатность и пытались найти спра-

ведливое решение в рамках закона в сложных ситуациях. Делопроизводство у них было образцовым, и именно они максимально реализовывали потенциал «твёрдой власти» и «отеческого попечения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, практическая эффективность земского начальника в решающей степени определялась «человеческим фактором»: компетентностью, волевыми качествами, ценностными установками и стилем управления конкретного чиновника, в результате чего местная власть приобретала предельно персонализированный характер, а заявленная концепция «отеческого попечения» реализовывалась вариативно и фактически зависела от случайности назначения. Выявлена амбивалентность правозащитного потенциала института. В ряде ситуаций земские начальники действительно выступали действенным барьером против злоупотреблений низовой волостной и сельской администрации и, реже, против произвольных практик сельского общества. Однако эти возможности ограничивались формализмом правоприменения, лакунами законодательства и слабой приспособленностью административно-судебных процедур к разрешению конфликтов, укоренённых в сфере «моральной экономики» деревни. Взыскания в виде ареста и штрафа (ст. 61–62) являлись рутинным инструментом поддержания управляемости и дисциплины, но при авторитарном стиле управления превращались в средство произвола, тогда как при безынициативности начальника носили формальный характер либо фактически не применялись, подрывая саму идею «твёрдой власти». Особо отчётливо проявилась системная уязвимость института при разрешении земельных споров. На фоне последствий голода 1891–1892 гг. и несовершенства выкупного и общинного регулирования земские начальники оказывались заложниками процедурных рамок и не располагали инструментарием для справедливого урегулирования глубинных конфликтов, что делало земельный вопрос «ахиллесовой пятой» их практики. Материалы дел о произволе, халатности и конфликте вокруг благотворительности подтверждают ключевую роль земского начальника в надзоре за низовой администрацией. При этом диапазон результатов – от энергичного пресечения нарушений до полного бездействия, вновь определялся типом и личной установкой должностного лица. Значительная доля земских начальников не соответствовала возложенной миссии, что трансформировало «твёрдую власть» в источник произвола, управленческого хаоса или безразличия, тогда как результативная служба оставалась характеристикой сравнительно узкого круга чиновников. В целом институт земских начальников предстает как внутренне противоречивая административная конструкция, в которой потенциальная способность обеспечивать порядок и защиту зависела от качества конкретного исполнителя и систематически нивелировалась крайней персонализацией власти, правовым формализмом и институциональными ограничениями, особенно заметными в условиях постреформенной деревни и кризисов начала 1890-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Положение о земских участковых начальниках, высочайше утверждённое 12 июля 1889 года: (со всеми относящимися к нему узаконениями). СПб.: Мин-во внутр. дел, 1889.

² *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. С. 185–200.

³ *Гинев В. Н.* Земские начальники: объективная необходимость или реакционная контрреформа // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4(8). С. 47–64; *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. М.: Наука, 1983; *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968; *Правилова Е. А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). СПб.: СЗАГС, Образование-культура, 2000.

⁴ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Э под ред. П. С. Кабытова. Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX - начале XX века. Самара: ООО «Слово»; *Мамонт Е. В.* Земский начальник от первого лица // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2017. Т. 17. № 1. С. 30–36.

- ⁵ Кабытов П. С., Баринаева Е. П. Крестьянский мир глазами земского начальника // История повседневности. 2025. № 1. С. 99-112; Чуканов И.А. Участковые земские начальники и их роль в регулировании правоотношений крестьянского общинного самоуправления в российской дореволюционной деревне (вторая половина XIX - начало XX в.) // Право и образование. 2009. №2. С. 134-137.
- ⁶ Центральный государственный архив Самарской области (далее - ЦГАСО). Ф. 145. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-13 об.
- ⁷ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6, 7, 8, 13, 31, 36.
- ⁸ Шатковская Т. В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов н/Дону: Южный федеральный университет, 2009. С.256.
- ⁹ Положение о земских участковых начальниках, высочайше утверждённое 12 июля 1889 года : (со всеми относящимися к нему узаконениями). СПб. : Мин-во внутр. дел, 1889.
- ¹⁰ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-13 об.
- ¹¹ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 65. Л. 1; Д. 6.
- ¹² ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 31.
- ¹³ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6, 36.
- ¹⁴ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–3, 11–12.
- ¹⁵ Там же. Л. 4-5.
- ¹⁶ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 8, 36.
- ¹⁷ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 31.
- ¹⁸ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 65. Л. 9-10.
- ¹⁹ Там же. Л. 6,8.
- ²⁰ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6, 8.
- ²¹ Там же. Д. 13.
- ²² Там же. Д. 31.
- ²³ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 7, 36.
- ²⁴ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.
- ²⁵ Там же. Л. 7.
- ²⁶ Там же. Л. 48 (об).
- ²⁷ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Л. 4.
- ²⁹ Там же. Л. 1.
- ³⁰ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 13.Л. 3 (об), 12.
- ³¹ ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 4.
- ³² ЦГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 31.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. Положение о земских участковых начальниках, высочайше утверждённое 12 июля 1889 года: (со всеми относящимися к нему узаконениями). СПб. : Мин-во внутр. дел, 1889. 89 с.
2. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6, 7, 8, 13, 31, 36, 65.

Литература

1. Гинев В. Н. Земские начальники: объективная необходимость или реакционная контрреформа // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4 (8). С. 47-64.
2. Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. М.:Наука, 1983. 149 с.
3. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х-начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 422 с.
4. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М.: Изд-во Московского ун-та, 1968.178 с.
5. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. под ред. П.С. Кабытова. Т. 2: Самарское Поволжье во второй половине XIX - начале XX века. Самара: ООО «Слово». 480 с.

6. *Кабытов П. С., Баринаева Е. П.* Крестьянский мир глазами земского начальника // История повседневности. 2025. № 1. С. 99-112.
7. *Мамонт Е.В.* Земский начальник от первого лица // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, 2017. Т. 17. № 1. С. 30-36.
8. *Правилова Е. А.* Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). СПб.: СЗАГС, Образование-культура, 2000. 287 с.
9. *Чуканов И.А.* Участковые земские начальники и их роль в регулировании правоотношений крестьянского общинного самоуправления в российской дореволюционной деревне (вторая половина XIX - начало XX в.) // Право и образование. 2009. № 2. С. 134-137.
10. *Шатковская Т. В.* Обычное право российских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Ростов на Дону: Южный федеральный университет, 2009. 576 с.

REFERENCES

Sources

1. Polozhenie o zemskix uchastkovy`x nachal`nikax, vy`sochajshe utverzhdyonnoe 12 iyulya 1889 goda: (so vsemi odnosyashhimisya k nemu uzakonenyami). SPb. : Min-vo vnutr. del, 1889. 89 s.
2. Central`ny`j gosudarstvenny`j arxiv Samarskoj oblasti. F. 145. Op. 1. D. 6, 7, 8, 13, 31, 36, 65.

Literatura

1. *Ginev V. N.* Zemskie nachal`niki: ob`ektivnaya neobxodimost` ili reakcionnaya kontrreforma // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2015. № 4 (8). S. 47-64.
2. *Efremova N. N.* Ministerstvo yusticii Rossijskoj imperii 1802–1917 gg. M.: Nauka, 1983. 149 s.
3. *Zajonchkovskij P.A.* Rossijskoe samodержавie v konce XIX stoletiya: (Politicheskaya reakcija 80-x nachala 90-x godov). M.: My`sl`, 1970. 422 s.
4. *Zakharova L.G.* Zemskaya kontrreforma 1890 g. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1968. 178 s.
5. Istoriya Samarskogo Povolzh`ya s drevnejshix vremen do nashix dnei: v 2 t.E` pod red. P.S. Kaby`tova. T. 2: Samarskoe Povolzh`e vo vtoroj polovine XIX - nachale XX veka. Samara: OOO «Slovo». 480 s.
6. *Kaby`tov P. S., Barinova E. P.* Krest`yanskij mir glazami zemskogo nachal`nika // Istoriya povsednevnosti. 2025. № 1. С. 99-112.
7. *Mamont E.V.* Zemskij nachal`nik ot pervogo licza // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social`no-gumanitarny`e nauki, 2017. Т. 17. № 1. С. 30-36.
8. *Pravilova E. A.* Zakonnost` i prava lichnosti: administrativnaya yusticiya v Rossii (vtoraya polovina XIX v. – oktyabr` 1917 g.). SPb.: SZAGS, Obrazovanie-kul`tura, 2000. 287 s.
9. *Chukanov I.A.* Uchastkovy`e zemskie nachal`niki i ix rol` v regulirovanii pravootnoshenij krest`yanskogo obshhinnogo samoupravleniya v rossijskoj dorevolucionnoj derevne (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) // Pravo i obrazovanie. 2009. № 2. S. 134-137.
10. *Shatkovskaya T. V.* Oby`chnoe pravo rossijskix krest`yan vtoroj poloviny` XIX – nachala XX veka. Rostov n/ Donu: Yuzhny`j federal`ny`j universitet, 2009. 576 s.

BETWEEN LAW, ARBITRARINESS AND «PATERNAL CARE»: ADMINISTRATIVE PRACTICES OF LAND CAPTAINS OF THE SAMARA PROVINCE IN 1891-1894

© 2026 D.A. Fedotov

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev

The article is based on office archival documents deposited in the Central State Archive of the Samara Region and is devoted to the reconstruction of the personal qualities of the land captains of the Novouzensk district in 1894. The author reveals a correlation between the business qualities of the land captains, as recorded by the audit data of their activities in 1894, and their real administrative court decisions made on the complaints of the peasants, the facts of abuse and negligence of the lower-level administration. Based on a micro-historical analysis, the author proves that the functioning of the institution of land captains in the Samara province was distinguished by a high degree of personalization, where the effectiveness and legitimacy of power was determined not so much by the letter of the law (Statute of 1889), but by personal qualities, competence and tendency toward arbitrariness of a particular chief. Situations similar in legal nature were resolved in different ways depending on the managerial style and attitude of the official to the procedure. Based on specific examples, stable models of law enforcement have been identified: procedural-rational (focused on verification and documentation), punitive-disciplinary (extensive use of sanctions) and administrative-passive (formal or delayed response). The study led to the conclusion about the structural limitations of the «trustee» function of the land captain in land disputes and in times of crisis aggravated by the consequences of the famine of 1891-1892.

Keywords: land captains, Samara province, peasant complaints, administrative practice, disciplinary measures, land conflicts, audits, famine of 1891-1892, personalization of power.

DOI: 10.37313/2658-4816-2026-8-1-26-34

EDN: YINPVS